У нее неделю была высокая температура. Ее рана тоже была очень плоха. Сначала ей было все равно, и она настояла на том, чтобы пойти на работу. В конце концов, у нее была такая высокая температура, что все ее тело трясло, а руки почти не могли двигаться, поэтому она, наконец, отправилась в общественную больницу. Когда врач увидел ее опухшее руку, он сразу же посоветовал ей обратиться в крупную больницу общего осмотра. Она боялась, поэтому сопротивлялась боли до тех пор, пока больше не смогла. К счастью, это была не его больница, а за полгорода отсюда.

Но она все еще боялась, боялась до такой степени, что всякий раз, когда она увидит врача в белом халате, она будет дрожать; боялась до такой степени, что ее слезы могли пролиться в любую минуту.

Из раны нужно было выдавить гной и соскрести гнилую плоть.

Медсестра, которая обрабатывала ее рану, была очень удивлена и сказала, - "Почему вы только сейчас приехали в больницу? Ваша руку пришлось бы ампутировать, если бы вы не пришли сейчас!" - Затем она сказала, - "Не двигайтесь, будет немного больно, просто потерпите, и все закончится."

Терпеть. Она отчаянно пыталась вытерпеть. Это было больно, так больно. Боль была такой, что она ясно чувствовала, как нож царапает рану, так что она ясно чувствовала, как ножницы разрезают плоть, но она не проронила ни единой слезинки. Она глубоко сжала пальцы в ладонях, тупо думая, - "Сколько времени это займет? Сколько времени это займет, чтобы закончиться? Сколько времени потребуется, чтобы остановить боль?"

Три или четыре пакета капельниц каждый день. Ее лихорадка постепенно спала, но руки все еще не могли пошевелиться. Менять повязку каждый день было похоже на пытку, но она предпочла бы такую жестокую режущую кости боль, чем боль в сердце.

Однажды посреди ночи, когда она спала, у нее зазвонил телефон. Все еще полусонная, она подняла трубку и услышала знакомый голос и зов "Сяосу". Она думала, что это сон, а оказалось, что она тоже спит. Звонок закончился почти сразу. Услышав повторяющиеся гудки, она подумала, что, в конце концов, это был сон.

Она легла и снова заснула. Боль в руке пришла в ответ, такая болезненная, нужно найти Фенбид, чтобы принять. После одной таблетки все еще было больно. После двух все еще было больно. Она достала все таблетки. Они образовали небольшую горстку. Если она проглотит все это, будет ли ей больше не больно?

Она поднесла их поближе ко рту. Уже тогда, когда она поднимет шею и проглотит их, ей, возможно, больше никогда не будет больно.

После долгих колебаний она, наконец, яростно бросила лекарство. Капсулы упали на землю, как горсть бобов. Ее рука все еще болела, и ей снова захотелось заплакать. Она позвала очень тихим голосом, - "Шао Чжэньжун"..

В темноте ответа не последовало.

Ей было так больно, что она свернулась калачиком и наконец медленно заснула.

Линь Сяньюань был удивлен, когда снова увидел Ду Сяосу.

Казалось, она стала другим человеком. В последний раз, когда он видел ее, она сияла, как драгоценный камень, к которому не могли не приковаться взгляды людей. Но, увидев ее в этот раз, он заметил, что вся ее фигура, казалось, потускнела, больше не была такой ослепительно яркой, как в тот день. Хотя она все еще была внимательна при встрече, иногда он видел, как ее густые и длинные ресницы прикрывают глаза, как глубокая тень уединенного бассейна, отражающая цвет неба, но с ошеломленным и растерянным взглядом.

После встречи на парковке Ду Сяосу обнаружила, что забыла свои документы в комнате для совещаний. Хотя Нин Вэйчэн ничего не сказал, Ду Сяосу чувствовала себя глубоко виноватой. В последнее время она была рассеянна и все время что-то забывала. Она тихо сказала Нин Вэйчэну, - "Менеджер Нин, почему бы вам всем не пойти первыми. Я просто заберу документы и сама поеду домой на такси."

Она вошла в лифт и снова поднялась наверх. Когда она открыла дверь конференц-зала, то была поражена.

В конференц-зале не горел свет. В темноте виднелся только маленький красный огонек. В тени можно было разглядеть человека, который сидел там и курил сигарету. Она вошла из коридора. Какое-то время она не могла разглядеть, кто это был, поэтому заколебалась, раздумывая, не стоит ли ей сначала уйти.

"Сяосу", - внезапно позвал он ее в темноте.

Она намеренно сказала спокойным тоном, - "Так это вы, мистер Линь... Я забыла здесь свои вещи."

"Я знаю." - Его голос был спокоен, - "Выключатель на стене позади тебя."

Она протянула руку – она действительно был там – и нажала на него. Звездообразные огни заполнили потолок, внезапно вспыхнув яркостью. Она почувствовала себя немного неловко от внезапного света и не смогла удержаться, чтобы не протянуть руку, чтобы прикрыть глаза.

Когда она опустила руку, Линь Сяньюань уже встал из-за стола и протянул ей документы. Его фигура все еще была высокой, и его огромная тень заслоняла свет над головой. Она осторожно сказала, - "Спасибо большое."

"Сяосу, между нами нет необходимости в такой вежливости."

Она немного помолчала и наконец сказала, - "Хорошо, мистер Линь."

Он вдруг улыбнулся, - "Сяосу, позволь мне угостить тебя ужином."

Она сказала, - "Спасибо, мистер Линь, но у меня назначена встреча с другом. Когда будет возможность, мы сможем это обсудить."

Наконец он вздохнул, словно пытаясь чему-то сопротивляться, но все же спросил, - "Сяосу, с тобой что-то случилось? Могу я чем-нибудь помочь?"

Она мягко покачала головой. Никто не мог ей помочь. Она совершила непростительные грехи.

Он самоуничижительно рассмеялся, - "Я действительно… Я действительно ничего не могу с собой поделать. Пожалуйста, не пойми меня неправильно. Я думаю, что ты сегодня немного нездорова, поэтому просто с точки зрения друга я хочу знать, не сталкнулась ли ты с какими-либо трудностями."

Ее лицо было бледным. Она больше не хотела разговаривать.

После долгого молчания он сказал, - "Сяосу, мне очень жаль."

Лицо Ду Сяосу казалось очень спокойным, и ее голос тоже, - "Нет ничего, за что ты мог бы меня жалеть."

"Сяосу, твоя семья состоятельна, поэтому ты никогда не понимаешь, что такое стремление, потому что с самого детства тебе никогда не приходилось сражаться. Я знаю, что ты презираешь меня и смотришь на меня свысока, но ты не знаешь, что я пережил" - у него все еще была та же слабая самоуничижительная улыбка, - "В прошлом ты спрашивала меня, почему я учился на доктора философии.Теперь я могу ответить тебе, что это из-за низкой самооценки. Да, из-за низкой самооценки. Только степень может завоевать уважение других, и только степень может сделать меня уверенным в себе. Ты ведь этого не ожидала, верно? Это такая нелепая причина.

Ты знаешь, что я родился в шахтерском районе, и мой отец умер очень рано. Но я никогда не говорил тебе, что у моей матери не было официальной работы, поэтому я мог ходить в школу только из-за жалкой суммы пенсий и денег, полученных от работы моей матери неполный рабочий день. Я никогда не забуду, что из-за отсутствия денег я наблюдал, как болезнь моей матери прогрессировала от гепатита В до цирроза печени. Шанс выздороветь был огрежден для нас нашей бедностью. Моог ли я выносить такую жизнь, такую нищету? Ответ "нет". Первая средняя школа в районе добычи полезных ископаемых очень известна, и многие ученики каждый год отправляются оттуда в Цинхуа и Пекинский университет. Ты знаешь, почему? Из-за бедности, из-за того, что нет другого пути и выхода, они яростно учатся. Как только они поступают в престижный университет, они перерождаются как новые люди.

Но знаешь ли ты, как это трудно? Я работал в три-четыре раза усерднее других, чтобы получить стипендию, но после окончания учебы у меня не было ничего, никаких связей, никого, на кого я мог бы положиться. Сяосу, я никогда не забуду своего смущения, когда искал работу. Но ты, ты сказала, что едешь в Пекин, чтобы остаться со мной. Тебе даже не нужно было беспокоиться о том, чтобы найти работу, потому что друзья твоего отца вскоре все для тебя устроили. Если ты будешь смотреть на меня свысока из-за этого, я буду чувствовать себя лучше, но ты не такая. У тебя вообще не было таких мыслей. Вместо этого ты помогала мне искать работу.

В течение этого времени я едва мог поднять голову перед тобой. После всех этих лет тяжелой работы, что я вообще мог сделать? Я даже не мог сравниться с телефонным звонком твоего отца, не мог сравниться с этим дядей и тем дядей, которых мои одноклассники знали из дома. У меня ничего не было. Мне даже пришлось положиться на тебя. Мне все еще нужно было накормить маму, чтобы она могла спокойно провести свои последние годы. Я - единственная надежда и единственная гордость в ее жизни! Когда ты училась в школе, ты всегда чувствовала себя озадаченной и обиженной из-за моего отказа отвезти тебя домой. Дело не в том, что я не хотел отвозить тебя домой, а в том, что я не могу заставить тебя предстать перед моей матерью. Я постоянно учился на доктора философии. В доме не было ничего, кроме голых стен. Этот дом, такая семья...

Перед тобой я всегда был таким выдающимся и гордым. Ты всегда гордилась мной, чувствовала, что я лучший в мире. Ты не представляешь, сколько усилий мне приходилось прилагать, чтобы стоять рядом с тобой, и все же ты была расслаблена и спокойна, но все равно имела гораздо больше, чем я. Ты была так прекрасна, так велика, так проста, что я чувствовал себя неполноценным. Чтобы быть с тобой, требовалось слишком много усилий. Сохранить эту красоту было слишком трудно. Так что, в конце концов, я действительно больше не мог этого выносить и больше не мог упорствовать..."

Он помолчал немного, как будто улыбнулся. Его голос стал слабым, с неописуемой грустью, - "Сяосу, теперь ничто не может это исправить. Но тот факт, что я могу сказать тебе все это, заставляет меня чувствовать себя намного лучше."

Его слова были подобны густому дождю, заставляя ее чувствовать холод, который проникал в ее кости. Свет в конференц-зале мерцал, освещая его, его хорошо сшитый костюм ручной работы, делая его брови четкими и графичными. Он был явно знакомым и явно незнакомым. Она действительно не думала, что у него будет такое давление и такие мысли. Она изо всех сил старалась забыть эти вещи в прошлом, но не ожидала, что они разрушат все сегодня. Она хранила долгое молчание, как будто хотела тихо и безмолвно вычеркнуть все из своего прошлого.

Наконец, она сказала, - "Прошлое в прошлом, и это больше не важно."

Он сказал, - "Сяосу, пожалуйста, прости меня."

Она все еще молчала, а потом ответила, - "Ты не сделал ничего плохого, не говоря уже о том, что тебе нужно мое прощение." - Затем она спросила, - "Теперь я могу идти?"

"Я отвезу тебя."

"В этом нет необходимости", - она толкнула дверь конференц-зала. В коридоре снаружи дул ветер, такой сильный, что ее телу стало еще холоднее.

По дороге домой Ду Сяосу посмотрела на улицу за окном машины. В сумерках в городе было оживленное движение, машины текли, как вода. Город казался таким процветающим, как будто ничего и не происходило. Это было похоже на сон, что, как только она проснулась, словно ничего еще не произошло.

Но она никогда не сможет очнуться от этого кошмара.

Только подойдя к двери, она заметила, что ее сумки нет. Она не знала, забыла ли она ее в метро или в такси.

Она очень устала и даже не хотела пытаться думать дальше.

Поэтому, дойдя до двери, она медленно села, обняв колени, совсем как ребенок. Это было словно безопасно. Это было самое лучшее решение. Если бы она больше не могла думать, как это было бы здорово.

Ее ключи, бумажник и мобильный телефон были в сумке.

Она не могла войти, но это уже не имело значения. Она все равно не хотела входить.

Что-то в ней умерло навсегда, чтобы никогда не возродиться. Она уронила голову на руки. Если бы она могла, она хотела бы умереть просто так, без необходимости возвращаться к жизни.

Однажды она подумала, что действительно забыла свое невыносимое прошлое, невежество и эгоизм юности, а также импульсивную снисходительность из-за разбитого сердца. После той ночи она в панике обнаружила, что находится в постели с незнакомцем. После паники она, наконец, заставила себя забыть. Успешно, навсегда забыть, чтобы никогда больше не вспоминать, как пара ножниц режет посреди беспорядка, не оставляя следов. Даже она сама думала, что стерла эти воспоминания начисто, но она все равно совершила отвратительное преступление, которое привело к сегодняшнему возмездию. Она думала, что это была просто случайная ошибка. С ее 20-летним хорошим воспитанием она никогда не делала такой дерзкой вещи, теряя себя в винном опьянении. Так что это было возмездие. Она ошибалась, так ужасно ошибалась. Она не могла думать об этом, она не могла представить, что этот мужчина снова появится в ее жизни, и даже был братом Шао Чжэньжуна. Это было возмездие. Одна мысль об этом заставляла все ее сердце страдать, как будто она была поймана в ловушку в девяти адах, сожжена огнем и уничтожена льдом, чтобы никогда не перевернуть этот камень, никогда не обрести покой.

Она вспомнила, как звонила Чжоу Сицы очень поздно той ночью, потому что ее запасной ключ был у Чжоу Сицы. Она долго ждала, и наконец лифт наконец остановился на ее этаже, и послышались шаги. Кто-то пришел к ней, но ключ принесла не Чжоу Сицы и не сосед, а Шао Чжэньжун.

Она сидела перед дверью, измученная до костей. Когда она увидела его, ее тело слегка подскочило, как будто она хотела убежать, но за ней была запертая дверь, и отступать было некуда.

Он спокойно посмотрел на нее, держа в руке ее сумку. Она в панике посмотрела на него. Он отдал ей сумку, его голос казался немного тихим, - "Ты забыла ее в такси. Водитель просмотрел телефонную книгу, а затем позвонил мне."

Она не смела ни заговорить, ни пошевелиться, как рыба в мелком пруду. Она боялась, что взмах ее хвоста испугает людей, и она никогда не сможет прийти в себя.

"Сяосу", - наконец произнес он ее имя, как будто эти два слова несли в себе какую-то боль. Его голос был все еще очень мягким, таким же нежным, как и раньше. Он сказал, - "Ты должна заботиться о себе, не забывай всегда все везде."

Она не пошевелилась. Он протянул руку и долго держал сумку перед ней. Она все еще не двигалась, не говоря уже о том, чтобы протянуть руку, чтобы взять ее.

Наконец он осторожно поставил сумку на пол перед ней, повернулся и ушел.

как только дверь лифта закрылась с тихим "динь", ее тело задрожало, и она подняла голову.

Она больше ни о чем не заботилась и просто бросилась к двери лифта. Цифры на табло уже быстро сменялись и уменьшались, как сердцебиение человека, потерявшего всякую надежду. Она отчаянно нажала на кнопку, но это было бесполезно. Он уже был там. Она продолжала отчаянно нажимать на нее, в отчаянии наблюдая, как цифры уменьшаются одна за другой. Он действительно ушел. Она развернулась и побежала вниз по аварийной лестнице. Там были этажи и пролеты лестниц, кромешная тьма без света, без людей, как бесконечный коридор, спиралью спускающийся вниз, без конца... Она слышала только свои собственные шаги, тук-тук-тук, тук-тук-тук... сопровождаемые ее бешено колотящимся сердцем, которое грозило выскочить из груди. Ей стало трудно дышать, но было слишком поздно, и она это знала.

Она сбежала вниз на одном дыхании и с грохотом распахнула тяжелую дверь. Отскочившая дверная створка ударила ее по икре и заставила споткнуться, но она удержалась на ногах. Поскольку она не могла упасть, у нее не было времени падать.

Холл перед ней был пуст, мраморный пол отражал холод потолочных ламп, Снаружи доносились звуки. Может быть, шел дождь.

У нее не было ни малейшего намека на колебания, и она выбежала на улицу, сбежала по ступенькам и мельком увидела задний фонарь его машины, красный, как пара глаз, с которых капала кровь и слезы, удаляясь все дальше, поворачивая через подъездную дорожку и исчезая из ее поля зрения.

Действительно шел дождь. Он намочил ее волосы. Она не плакала. Она явно знала, что он уже ушел.

Он действительно исчез.

Она стояла там, как дура, и молчала. Она знала, что это ад, но она лично погрузилась в него, наблюдая, пока не поддалась отчаянию.

http://tl.rulate.ru/book/68432/1818145